

навуковай канферэнцыі 2003-2005 гг. – Вып. 1. – Мінск: РІВШ, 2006. – С. 209-222

15. Цобкала А. Нацыянальны рух у гады Першай сусветнай вайны (1915 пачатак 1917) / А. Цобкала // Пытанні гісторыі і метадыкі выкладання. Зб. навуковых арт. – Мн., 1998. – Вып. 1. – С. 98-104

16. Цуба М. В. Беларускі нацыянальны рух у перыяд паміж дзвюма дэмакратычнымі рэвалюцыямі (1907-1917) / М.В. Цуба – Брэст, 2003. – 195 с.

17. Щавлинский Н.Б. Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны / Н.Б. Щавлинский – Мн.: РИВШ, 2001. - 136 с.

РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.Л. СОЛОНЕВИЧА

Богданович А.И.

г. Минск, БНТУ

Солоневич Иван Лукьянович, политический эмигрант, писатель, который является ценным свидетелем истории повседневной жизни России периода трех российских революций. Он воспринимал историю России, как простой обыватель, студент и репортер и просто человек, живущий в Российской империи и Советской России, а также как эмигрант и житель Германии предвоенного, военного и послевоенного периода. Пожалуй, фотографические наблюдения повседневной жизни людей это самая интересная часть его литературного наследия, во-первых, потому что с течением времени становится всё меньше и меньше свидетелей тех поворотных для истории человечества событий, во-вторых, потому, что И.Л. Солоневичу удаётся делать из событий этой обыденности, далеко идущие выводы философско-исторического характера, которые так же представляют немалый интерес для современных исследователей.

И.Л. Солоневич был сторонником самодержавной монархии (отличной от абсолютной и конституционной монархий западного образца). Этому вопросу посвящён основной труд И.Л. Солоневича «Народная монархия», где он чётко разграничивает абсолютизм и самодержавие. Его становление как автора происходило под влия-

нием таких монархических идеологов, как Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков и В.В. Розанов. Он был убеждён, что народная монархия есть единственная форма государственного устройства, подходящая для России.

По его мнению, никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, – неприменимы для русской государственности, русской национальности, русской культуры. Политической организацией русского народа на его низах было самоуправление, а политической организацией народа в его целом было самодержавие. Царь есть прежде всего общественное равновесие. При нарушении этого равновесия промышленники создадут плутократию, военные – милитаризм, духовные – клерикализм, а интеллигенция – любой «изм», какой только будет в книжной моде в данный исторический момент.

В «Народной монархии» И. Л. Солоневич подвергал критике отвлечённую идею человечества, подчёркивая, что не существует всеобъемлющих исторических законов, и в каждую эпоху для различных обществ и народов существовали свои особые («здесь и сейчас») закономерности. Каждый народ самостоятельно творит свою судьбу в истории.

Высшей исторической целью для русского народа он считал создание империи. Он полагал, что самую необычную империю в истории сотворил русский народ, и в этом заключалась всемирная роль русского народа и «вселенскость» русской идеи. Вслед за славянофилами и почвенниками И.Л. Солоневич давал отрицательную оценку петровским преобразованиям, из-за которых Россия всё дальше уходила от идеала народной монархии, а ее элита – дворянство, а затем интеллигенция – под влиянием Запада отрывались от народной почвы. По его мнению, всеобщая «европеизация» обернулась трагедией для простого русского народа, потерявшего естественную связь с собственным интеллектуальным слоем, что привело в конечном итоге к падению монархии в России. Выходом из сложившейся ситуации он считал возврат русского народа к своим истокам посредством восстановления «народной», «социальной» монархии во всей её полноте «от царского престола до сельского схода» [Цит. по: 3, с. 346 – 347].

Будучи «стопроцентным белорусом», он был твёрдо убеждён в единстве русского народа в трёх его ветвях – белорусской, великорусской и малорусской [4, с. 6]. В этом он был последовательным продолжателем традиций «западнорусизма» – белорусского общественно-политического течения XIX в. отстаивающего общерусские идеалы. В своем творчестве И.Л. Солоневич уделял огромное внимание коммунистической идее её исторической перспективе и методам. В своём бестселлере «Россия в концлагере» этой теме посвящено несколько глав.

Иван Лукьянович тяжело переживал Февральскую революцию, которую он, как уже говорилось, не считал исторической необходимостью. В его книге «Революция, которой не было или Великая фальшивка февраля» она предстаёт как случайная вакханалия «зловещих людей», а не как некий закономерный исторический процесс. Вот как он описывает те дни: «На Невском проспекте столпилось тысяч пятьдесят людей, радовавшихся рождению революции, конечно, великой и уж наверняка бескровной: какая тут кровь, когда все ликуют, когда все охвачены почти истерической радостью: более ста лет раскачивали и раскачивали тысячелетнее здание, и вот, наконец, оно рушится.

Бескровное ликование длилось несколько часов; потом где-то, кто-то стал стрелять – толпа стала таять. Я, по репортерской своей профессии, продолжал блуждать по улицам. Толпа все таяла и таяла, ее остатки все больше и больше концентрировались у витрин оружейных магазинов. Какие-то решительные люди бьют стекла в витринах, и, толпа начинает грабить оружейные магазины.

Мало-мальски внимательный наблюдатель сразу отмечает «классовое расслоение» толпы. Полдюжины каких-то зловещих людей – в солдатских шинелях, но без погон, вламываются в магазины. Неопределенное количество вездесущих и всюду проникающих мальчишек растаскивает охотничье оружие – зловещим людям оно не нужно. Наиболее полный революционный восторг переживали, конечно, мальчишки: нет ни мамы, ни папы и можно пострелять. Именно они были главными поставщиками «первых жертв революции»: они падали куда попало, лишь бы только палить. Зловещие люди, услышав стрельбу, подымали ответный огонь, думаю, в частности, от того же мальчишеского желания попробовать вновь при-

обретенное оружие. Зеваки, составлявшие, вероятно, под 90 процентов «толпы», стали уже не расходиться, а разбегаться и к вечеру улицы были в полном распоряжении зловещих людей.

Не претендуя ни на какую статистическую точность, я осмелюсь предположить, что перед моментом перелома от ликования к грабёжам, толпа процентов на девяносто состояла из зевак – вот, вроде меня. Они были влекомы тем чувством, из-за которого наши далекие предки были изгнаны из рая. Я предполагаю, что из девяноста сыновей Евы (дочерей было очень мало) человек с десятков имели при себе оружие. И у них была теоретическая возможность перестрелять зловещих людей, как куропаток. Но каждый из нас предполагал, что он – в единственном числе, что зловещие люди являются каким-то организованным отрядом революции и, наконец, что где-то наверху есть умные люди – полиция, генералы, правительство, Государственная Дума и прочие, которые уж позаботятся о распределении зловещих людей по местам их законного жительства – по тюрьмам. Кроме того – и это, может быть, самое важное – как только началась стрельба, то все *padres familias* сообразили, что на Невском-то грабят магазины, а на других улицах, может быть, уже грабят его собственную квартиру. Сообразил это и я ... [5, с. 44].

В мою квартиру «организованная», банда уже вломилась с обыском: отсюда, де, кто-то в кого-то стрелял. Стрелять было не в кого, разве только в соседние окна, так как все наши окна выходили во двор. На ломаном русском языке банда требует предъявления оружия и документов. У меня в кармане был револьвер – я его, конечно, не предъявил. Я мог ухлопать человека два-три из этой банды, но что было бы дальше? Остатки банды подняли бы крик о какой-то полицейской засаде, собрали бы своих сотоварищей, и мы трое были бы без сомнения перебиты. Я предъявил свой студенческий билет – он был принят как свидетельство о политической благонадежности. Банда открыла два ящика в комод, осмотрела почему-то кухонный стол и поняв, что грабить здесь нечего, отправилась в поиски более злачных мест. На улице загрохотал и умолк пулемет. Раздался глухой взрыв. Потом оказалось: другая банда открыла жилище городского. На другой день трупы городского, его жены и двух детей мы, соседи, отвезли в морг.

Вот так, в моменты общей растерянности, – правительственной в первую очередь – были пропущены первые, еще робкие языки пламени всероссийского пожара. Их можно было потушить ведром воды – потом не хватило океанов крови. Однако момент был пропущен – пожар охватывал весь город» [5, с. 45]. На второй день революции, отмечает И.Л. Солоневич, город был во власти революционного подполья: «Какие-то жуткие рожи – низколобые, озлобленные, питекантропские, вынырнули откуда-то из тюрем, ночлежек, притонов – воры, дезертиры, просто хулиганье. И по всему городу шла «стихийная» охота за городовыми. Почему именно за городовыми? Тогда я этого никак не мог понять. Можно было себе представить, что победившая революция постарается истребить своего наследственного врага – политическую полицию, «охранку» царского режима. Но городовые никакой политикой не занимались. Они регулировали уличное движение, подбирали с мостовых пьяных пролетариев, иногда ловили трамвайных воришек и вообще занимались всякими такими аполитичными делами, совершенно так же, как лондонские или нью-йоркские Бобби. За что же их-то истреблять? [5, с. 46].

Но зловещие люди гонялись за ними, как за зайцами на облаве. Возникали слухи о полицейских засадах, о пулеметах на крышах, о правительственных шпионах, и Бог знает, о чем еще. Мой знакомый, любитель фотографии, был пристрелен у своего окна: он рассматривал на свет только что отфиксированную пластинку – его приняли за шпиона. При мне банда зловещих людей около часу обстреливала из пулемета пустую колокольню: какой-то старушке там померещился поп с «пушкой» – о том, как именно служитель культа смог бы втащить орудие на колокольню и зловещие люди отчета себе не отдавали. Они еще находились в состоянии истерической спешки: шли и другие слухи – о том, что к Петербургу двигаются с фронта правительственные войска, и что, следовательно, дело может кончиться виселицами; о том, что какие-то юнкера заняли какие-то подходы к столице и вообще, дело еще не совсем кончено, нужно торопиться.

Зловещие люди явно торопились, наиболее сознательные из них подожгли здание уголовного суда. Тогда я тоже не мог понять: при чем тут уголовный суд? Огромное здание пылало из всех своих

окон, ветер разносил по улицам клочки обожженной бумаги. Я нагнулся, поднял какую-то папку, и сейчас же около меня возникла увешанная пулеметными лентами зловещая личность: «тебе чего здесь, давай сюда!» Я послушно отдал папку и отошел на приличную дистанцию. Зловещие люди тщательно подбирали все бумажки и также тщательно бросали их обратно в огонь. Смысл этого «ауто да фе» я понял только впоследствии: тут, в здании уголовного суда, горели справки о судимости, горело прошлое зловещих людей [5, с. 47].

По свидетельству И.Л. Солоневича в ходе «бескровной» революции в феврале 1917 года революционные дружины и восставшие солдаты петроградского гарнизона безжалостно перебили почти весь состав столичной полиции. Полицейские чины до конца пытались поддержать в городе порядок. Уже был отрешен от власти государь, уже появилось Временное правительство, а окруженные восставшими полицейские участки держались. Они все еще надеялись на помощь, которая так и не пришла. По некоторым сведениям в те дни было убито до 80% столичных городских [1, с. 214 – 215].

При этом, как принято было думать в советские времена, простой народ вовсе не ликовал по поводу революции. Вот что писал об этом Солоневич: «Я, более или менее успешно окончил Санкт-Петербургский Императорский университет, где все кафедры и все профессора позаботились снабдить меня самым современным прицельным приспособлением, которое гарантировало промах на сто восемьдесят градусов. Если исключить гражданское право и сенатские разъяснения, которые должны были в будущем гарантировать мне адвокатские гонорары, то все остальное было или никому ненужной схоластикой, или совершенно заведомым враньем. Я собственными глазами зубрил профессорские труды и я теми же собственными глазами видел живую жизнь: труды и жизнь не совмещались никак. Мне говорили о революционном рабочем – я его не видел. Мне говорили об угнетенном крестьянстве – я его тоже не видел. Мне говорили о голоде среди русского пролетариата, но с представителями этого пролетариата я ел хлеб и даже пил водку и никакого голода не видал. Перед самой революцией и пресса, и «общественность» вопили о голоде, а я, футболист Иван Солоневич, сидел у металлиста Тимофея Солоневича – водки у нас по поводу

сухого режима не было вовсе, но и хлеб, и мясо, и сахар, и рыба были в изобилии.

Председатель Государственной Думы Родзянко во главе целой группы общественных деятелей обращался к царю с паническим и устрашающим докладом о голоде в Москве – я был и в Москве и не видал никакого голода. И только совсем на днях, совершенно случайно, через тридцать лет после этой записки, я обнаружил некоторые статистические данные.

В 1920 году советский Институт Труда опубликовал в официальном органе Центрального Статистического Управления РСФСР цифровые данные о питании московских рабочих до и во время первой мировой войны. По этим данным питание московских рабочих колебалось в размерах от 4330 калорий в день (мужчины-слесаря) до 3340 калорий (женщины-ткачихи). Зимой 1916 – 17 годов это питание упало максимум на 23% и минимум на 7%. В «голодную» военную зиму, – перед самой революцией, московский рабочий в среднем имел около 3500 калорий. Три с половиной тысячи калорий не обозначали лукулловской диеты, но они не обозначали даже и недоедания: Россия была, сыта вполне. Я видел сытость, и я читал о голоде. Я сам из крестьян – да еще из беднейшей полосы России, я видел всяческий рост крестьянства, я видел, как оно массами скупает разоряющуюся помещичью землю, и я читал ученые вопли о крестьянском разорении. Я жил и вращался среди рабочих, я знал, что о революции они думают точно так же, как и я: с ужасом и отвращением, и что они, точно так же, как и я, как и мои родственники-крестьяне, целиком состоят ЗА царя, ЗА семью, ЗА собственность, ЗА Церковь, ЗА общественное приличие в общественных делах» [5, с. 74 – 75].

Вот как описывает И.Л. Солоневич отношение простых людей к свержению царя: «Моя кухарка Дуня, неграмотная рязанская девка, узнав об отречении Николая Второго, ревела белугой: «Ах, что-то будет, что-то будет!». Что именно будет, она, конечно, не могла знать с такой степенью точности, как знали: Достоевский, Толстой, Менделеев и Охранное отделение. Дворник, который таскал дрова ко мне на седьмой этаж – центрального отопления у нас в доме не было – дворник с демонстративным грохотом сбросил на пол свою вязанку дров и сказал мне:

– Что – добились? Царя уволили? – Дальше следовала совершенно непечатная тирада. Я ответил, что я здесь не при чем, но я был студентом, а в памяти «народа» остались еще студенческие прегрешения революции. В глазах дворника я, студент, был тоже революционером. Дворник выругался еще раз и изрек пророчество:

– Ну, ежели без царя – так теперь вы сами дрова таскайте, – а я в деревню уеду, ну вас всех ко всем чертям!

Мой кузен, металлист Тимоша, посоветовал мне в рабочий район в студенческой фуражке не показываться – рабочие изобьют. Я навсегда снял свою студенческую фуражку. Ни мой дворник, ни сотоварищи Тимоши еще не знали того, что в феврале 1917 года по меньшей мере половина студенчества повернулась против революции и к октябрю того же года против революции повернулось все студенчество – одно из самых таинственных явлений русской истории» [9, с. 73].

Интерес для современников представляют воспоминания И.Л. Солоневича о корниловском мятеже: «Этот период связан с моей старой спортивной линией. Нас собралась своеобразная группа студентов-спортсменов, не вполне, впрочем, порвавших связи с «Соколом». Это были футболисты, легкоатлеты, борцы, боксеры и прочие. По преимуществу из этих студентов организовалась студенческая милиция, кое-как охранявшая порядок. Я был начальником васьльеостровского отделения. Через А.М. Ренникова я был связан с контрразведочной работой и несколько позже был чем-то вроде представителя спортивного студенчества при атамане Дутове... поддержать этот мятеж в Петербурге должен был атаман Дутов со своими казаками. Нас, студентов-спортсменов, чрезвычайно плотно и давно организованных, было человек семьсот. За нами стояла и часть остального студенчества. Мы умоляли Дутова дать нам винтовки. Дутов был чрезвычайно оптимистичен: «Ничего вы, штатские, не понимаете. У меня есть свои казачки, я прикажу – и все будет сделано. Нечего вам и соваться». Атаман Дутов приказал. А казачки сели на поезда и катнули на тихий на Дон. Дутов бросил на прощание несколько невразумительных фраз, вот вроде тех сводок о заранее укрепленных позициях, на которые обязательно отступает всякий разбитый генерал. Я только потом понял, что атаман Дутов был просто глуп той честной строевой глупостью,

которая за пределами своей шеренги не видит ни уха, ни рыла. Очень может быть, что из нашей студенческой затеи, если бы мы и получили винтовки, не вышло бы все равно ничего. Ну а вдруг? Мало ли какой камушек в решающий момент может перевесить весы истории? Наш камушек, камушек студенческой молодежи, людей смелых, тренированных, как звери, и знающих, чего они хотят, был презрительно выброшен в помойную яму истории» [2, с. 39 – 47].

В своих работах И.Л. Солоневич, опираясь почти на правые источники, а также и на более или менее общеизвестный ход событий 1916 – 1917 гг., пытался показать, что к Февралю «народ» не имел ровно никакого отношения. Конечно, и сто тысяч чухонских баб входят все-таки в состав «народа». Входят, конечно, и тысяч двести запасных Петроградского гарнизона. В общем, и бабы и гарнизон дали бы от одной десятой до одной пятой одного процента всего населения страны. Остальных 99%... никто ни о чем не спрашивал. И если генерал Эверт в своей телеграмме утверждал, что «на армию в ее настоящем составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков – нельзя», то совершенно очевидно, что – можно ли, нельзя ли – этого генерал Эверт знать не мог. Ибо подавлять он и не пробовал. Так же очевидно, что если бы даже на всю армию действительно рассчитывать было нельзя, то десяток надежных дивизий для этого, во всяком случае, нашелся бы. Однако, «надежные дивизии» в Петроград не пустила Ставка, то есть ген. Алексеев.

По мнению И.Л. Солоневича, февраль 1917 г. – это почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросшего в март, июль, октябрь и так далее... Нет, конечно, никакого сомнения в том, что революционные элементы в стране существовали, – в гораздо меньшем количестве, чем в 1905 г., но существовали. В 1905 – 1906 гг. их подавили. В 1917 г. их подавлять не захотели.

Основную «осевую» роль в этом перевороте играл, конечно, генералитет. Без его самой активной, технически тщательно продуманной помощи ни А. Гучков, ни даже пресловутый Бубликов, само собою, разумеется, не могли сделать ничего. Вопрос заключается в следующем: из каких же соображений действовал русский генералитет?

Самое вероятное объяснение сводится к тому, что политически он был вопиюще неграмотен. И очень может быть, что Гучкову и прочим людям Земторга и Военно-Промышленного Комитета, стлкнувавшимися с генералитетом, удалось убедить генералов в том, что политика Государя Императора действительно ведет армию к поражению и страну к гибели. Самое снисходительное объяснение всей техники заговора могло бы заключаться в том, что генералитет был искренне уверен в неспособности Государя Императора, во влиянии Государыни Императрицы (Распутин к этому времени уже отпал) и в том, что «вся страна» настроена против монарха. Это, конечно, не очень лестное объяснение, но все-таки наименее нелестное, какое только можно подыскать. В неразумно правых кругах имеет хождение вариант об «английской интриге».

Однако все указания на «английскую интригу», в том числе и указание генерала Спиридовича, носят замечательно расплывчатый характер. С таким же основанием можно ссылаться на йогов, магов, волшебников и прочих людей того же сорта. Ни одного конкретного факта я нигде в литературе не нашел. Каким именно способом могла «английская интрига» подчинить себе русский генералитет – об этом, кажется, не говорил никто. Можно как угодно выворачивать наизнанку роковые события Февраля, но, – если придерживаться точки зрения «английской интриги», это будет означать, что русские генералы продали Русского Царя по приказу иностранного посольства. Это, конечно, будет намного хуже политической неграмотности [6, с. 38 – 40].

Между Царем и Народом если и было «средостение», то не было антагонизма. Что если государь делал для России и для народа все, что только было в человеческих силах, – но и народ отвечал ему своим доверием. Что революция – обе революции: и Февральская и Октябрьская вовсе не вышли из народа, а вышли из «средостения», которое хотело в одинаковой степени подчинить себе и Монархию и Народ.

По мнению И.Л. Солоневича, русская революция не имела никаких оправданий – ни моральных, ни социальных, ни экономических, ни политических. Ее устроил правящий и ведущий слой – университетская, военная, земельная и финансовая знать. И каждая в своих узкоэгоистических интересах. Исходной позицией революции были

не «возмущение народных масс», не «неудачи войны», – клевета и предательство. В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит именно военным кругам: П. Н. Милоков и прочие никому не присягали – военные же круги приносили воинскую присягу. Абсолютно ясно, что без военных верхов «дворцовый заговор» пяти московских купцов остался бы стопроцентной маниловщиной. [6, с. 44]

Использованные источники и литература.

1. Музафаров, А. А. 10 мифов о России / А.А. Музафаров. – М.: Эксмо, Яуза, 2012. – 320 с.
2. Никандров, Н. Иван Солоневич: народный монархист / Н. Никандров. – М.: Алгоритм, 2007. – 672 с.
3. Орлова, Л. А. 500 самых выдающихся людей России / Л.А. Орлова. – Минск: Харвест, 2008. – 448 с.
4. Солоневич, И. О сепаратных виселицах / И. Солоневич // Наша страна. – 1949. – 26 марта. – С. 6.
5. Солоневич, И.Л. Диктатура сволочи / И.Л. Солоневич. – М.: Русская правда, 2013. – 96 с.
6. Солоневич, И.Л. Революция, которой не было, или Великая фальшивка февраля / И.Л. Солоневич. – М.: Эксмо, 2016. – 304 с.

«НАША НИВА» В БОРЬБЕ ЗА ИНТЕРЕСЫ «МУЖИКОВ» В ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИИ

Божанов В. А.

Минск, БНТУ

Первая белорусская газета «Наша ніва», созданная в 1906 г. и получившая право на свет по Манифесту царя Николая I об обещании демократических свобод и созыва Государственной думы, занимает особое место в политическом просвещении народа в период Первой русской революции. С первого своего номера редакция заявила, что она будет «служыць усему беларускому скрыуджанаму народу»¹ и никогда не изменила данному слову. Никогда, несмотря на финан-

¹ В статье сохраняются грамматика и пунктуация источника